

УДК 1:001, 001.8

Е.А. Найман, В.Н. Сыров**НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОБОСНОВАНИЯ
ФОРМАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА**

Рассматривается аргументация, предложенная для обоснования предпочтительности реалистских установок в философии по сравнению с антиреалистскими представлениями. Основной аргумент заключается в следующем тезисе: любые высказывания, притязающие на любую форму отрицания реализма, оказываются самопротиворечивыми или самоотрицающими. Показано, что данный аргумент основан на неверном прочтении базисных положений антиреализма и сам противоречит исходным положениям реализма.

Ключевые слова: эпистемология, реализм, формальный реализм, антиреализм, аргумент «мозги в бочке».

Вряд ли кто сегодня будет настаивать на линейности социальных, культурных и интеллектуальных изменений. Тем более затруднительно провести такую прямую линию в движении философской мысли. Хотя иногда извивы и повороты философствования оказываются весьма парадоксальными. Казалось бы, столь длительная критика классической философии должна была сделать безнадежной саму мысль о ее возможном возрождении. Ожидалось, что релятивизм, конструктивизм, антропоцентризм и иже с ними из общих принципов перейдут в методологии разработки конкретных исследовательских программ во всех сферах интеллектуальной и практической деятельности. Но не тут-то было. Распространенной реакцией на вышеупомянутые тенденции в новейшей философии стало возрождение представлений о существовании объективной реальности и возможности ее адекватного постижения.

Это веяние не обошло стороной и отечественное философствование. Конечно, стремление российских интеллектуалов всегда быть в русле ультрасовременных тенденций является явным признаком догоняющей культуры. Но это тема отдельного разговора, уже достаточно обсужденного самими же отечественными интеллектуалами. Тем более в нашем случае мы имеем в виду отнюдь не совокупность высказываний, по поводу статуса которых можно использовать утверждение Коллингвуда, что это всего лишь «история, переданная словами идиота, полными шума и ярости, но фактически ничего не обозначающими» [1. С. 78]. Речь идет о создании весьма определенной философской программы, обоснованной, аргументированной и последовательно проводимой. В русле вышеупомянутого возрождения классики она, конечно, не является единственной. Но нельзя объять необъятное, поэтому представляется правомерным остановиться именно на ней. Имя ей «формальный реализм». Как и всякая хорошая философская концепция, она имеет конкретного и, так сказать, реального автора. Далее для удобства рассуждений будет обозначать его В.А.

Для начала реконструируем основные положения формального реализма. Будем надеяться на адекватность изложения их изложения, тем более, что, как нам кажется, сам автор их достаточно прозрачно формулирует. Представляется, что сущность формального реализма можно свести к трем основным положениям:

- а) существует объективная реальность;
- б) мы можем ее постичь;

в) основным способом ее постижения является соотнесение наших высказываний о ней с ней самой. «Предложение языка истинно тогда, когда в реальности существует то (некоторый факт), о чем говорится в этом предложении как о существующем» [2. С. 68–69].

Все остальное в данной концепции относится либо к области комментариев, либо к сфере обоснования выдвинутых положений. Что касается комментариев. Резонно предположить, что все вышеописанные тезисы должны взаимоподдерживать друг друга, а вернее, из определенной трактовки первого положения вытекать толкование и всех остальных. Понятно, что под объективной реальностью в данной концепции понимается не сумма конвенций, которую (интеллектуальное, к примеру) сообщество рано или поздно тем или иным способом признало и которая по отношению к индивидуальному, да и к коллективному, субъекту становится чем-то принимаемым с необходимостью. Например, сообщество историков может признавать за объективный факт победу Юлия Цезаря над войсками Гнея Помпея 9 августа 48 г. до н.э. при Фарсале, но не потому, что данное событие действительно имело место, а потому что оно согласуется с данными источников и вписывается в общий комплекс представлений современных исследователей о римской истории. Для В.А. объективная реальность представляет собой мир, существующий вне и независимо от человеческих представлений.

Принципиальное положение формального реализма, судя по всему, состоит в убеждении, что адекватное постижение такого мира должно представлять собой выявление таких его свойств (или в таком виде), которые присущи ему самому по себе вне зависимости от наших установок, представлений, пристрастий и т.д. С этой точки зрения, если Земля действительно вращается вокруг Солнца, то такое положение дел имело, имеет и будет иметь место всегда независимо от того, что и в какой форме люди об этом думали, думают и будут думать. Суждение подобного рода тем самым будет иметь статус объективной истины. В принципе, даже если исчезнут Земля и Солнце (да и люди как субъекты познания), то истинность его не изменится, хотя, видимо, модифицируется в суждение, что с такого-то по такой-то период Земля вращалась вокруг Солнца. Ну и любое разумное существо должно будет признать этот тезис как объективный факт.

Логично предположить, что способ проверки таких представлений об истинности должен быть соответствующим. Если мы полагаем, что объективная реальность в вышеописанном виде существует, то, судя по всему, убедиться в этом можем только одним-единственным способом. Мы должны каким-то образом соотносить наши высказывания о мире с чем-то им внеположенным и каким-то образом получать подтверждения того, что наше соотнесение оказалось адекватным. Конечно, как справедливо отмечал Хилари

Патнем, в реализации этого процесса следует учитывать роль «лингвистического разделения труда и вклада окружающей среды в фиксирование знаний» [3. С. 500], отдавать отчет в процессуальности, а не одномоментности, такого познания, определиться в способах такого соотношения (осуществляется ли оно практикой, либо как-то иначе), но, как представляется, сути дела это не меняет. При тех интеллектуальных и прочих ресурсах, которые мы имеем на сегодняшний день, вряд ли пока возможно представить себе какие-то иные способы опознания того, что мы имеем дело с объективной реальностью, а не с нашими собственными представлениями.

Соответственно «формальный реализм не отрицает того факта – что достижение объективной истины и необходимого знания – это задача не из легких (а во всей полноте и во всем многообразии опыта, скорее всего, вообще не выполнимая)» [2. С. 83]. Поэтому, как подчеркивает сам автор, используя кантовскую терминологию, это скорее регулятивный принцип, т.е. принцип, призванный не создавать само знание, а указывать путь его создания. Также можно представить исходные положения формального реализма как идеал, к которому надлежит стремиться и который должен организовывать направление наших исканий.

Кстати, определение статуса выдвигаемых идей как регулятивных делает понятным определение и самого реализма как формального. «Формальный реализм оставляет открытыми сложные онтоэпистемологические вопросы о том, какого рода сущности имеются в бытии и с помощью каких средств познавательного аппарата субъекта возможно их адекватное познание» [2. С. 83]. Иначе говоря, установление того, что же там в мире реально существует, является делом последующей работы поколений мыслителей, воспитанных на принципах реализма. Данный реализм потому и формален, что он не накладывает никаких ограничений на определение тех сущностей, которым следовало бы приписать статус реальных. Но не накладывает он их не в силу демократичности представлений В.А. о природе реальности, а просто потому, что работа подобного рода станет следующим шагом. Сначала, как говорит сам автор, надо место расчистить [2. С. 83].

Этот тезис вплотную подводит нас к обсуждению ключевого и, естественно, самого интересного вопроса об обосновании программы формального реализма и характере этого обоснования. Примечательно то, что оно строится в контексте борьбы с программными установками, которые автор называет антиреалистскими и под которые, судя по всему, будут подпадать всевозможные релятивистские, конструктивистские, когерентистские, прагматистские, конвенционалистские и им подобные установки. Более того, приоритет, отданный В.А. реализму, обуславливается не субъективными предпочтениями исследователя, а силой аргументов, представленных за и против. Суть в том, что отказ от реализма «останавливает рациональную деятельность как таковую» [2. С. 83]. Почему? Да потому, что «релятивизм признается логически противоречивым. Любое релятивистское суждение своим следствием имеет парадоксальную ситуацию в мышлении и языке» [2. С. 84].

Почему так? Интриги ради стоит создать ситуацию саспенса, а именно задержки с формулировкой ключевого аргумента формального реализма для более напряженного ожидания развязки. С этой целью обратимся к аргумен-

тации Патнема, ставшего, судя по всему, идейным вдохновителем В.А. Речь идет о знаменитой ситуации с «мозгами в бочке». Как известно, вывод американского аналитика был таков: «Теперь я хочу задать вопрос, который покажется очень глупым и очевидным (по меньшей мере, для некоторых людей, включая некоторых весьма изощренных философов), но который довольно быстро приведет нас к подлинно философским глубинам. Допустим, что вся эта история была действительно правдивой. Смогли бы мы, если бы мы были подобными мозгами в бочке, сказать или подумать, что мы таковы? Я собираюсь утверждать, что ответ таков: «Нет, не смогли бы». Фактически я собираюсь утверждать, что предположение о том, что мы мозги в бочке, хотя и не противоречит физическим законам и вполне совместимо со всем нашим опытом, не может быть истинным. Оно не может быть истинным, потому что в определенном смысле оно само себя опровергает» [4. Р. 7].

Действительно, высказывание о том, что «мы являемся мозгами в бочке» подразумевало бы, что все наши высказывания не могут соответствовать чему-то, внеположенному им, или не могут отсылать к каким-либо внешним объектам. Но тогда и само утверждение о том, что «мы являемся мозгами в бочке» также не должно соответствовать ничему, так сказать, реальному и может обладать лишь статусом образа, содержащегося в нашем сознании. Но претендует-то оно на другой статус, а именно быть, так сказать, отражением реальности. Вывод таков. Мы в принципе не можем доказать истинность данного высказывания, поскольку для этого следует выйти за пределы нашего бытия мозгами в бочке или посмотреть, так сказать, на ситуацию со стороны, что невозможно. С другой стороны, если мы сможем доказать истинность данного утверждения, то мы не являемся мозгами в бочке, потому что для осуществления такого доказательства необходимо обладать возможностью соотносить высказывание с внешним объектом.

Судя по всему, Патнем более категоричен. Люди в принципе «не могут подумать или сказать, что они являются мозгами в бочке (даже если у них появляется мысль «мы являемся мозгами в бочке»)» [4. Р. 8]. Дело в том, что утверждения такого рода подразумевают, так сказать, невозможную возможность выйти за границы человеческого бытия или возможность взглянуть на ситуацию с внечеловеческой позиции (глазами Бога, к примеру). Поэтому, как ни парадоксально, наличие таких высказываний является дополнительным свидетельством того, что мы не являемся мозгами в бочке.

Более того, мысль Патнема можно продолжить. Сама возможность рассуждения о мозгах в бочке является ярким свидетельством, так сказать, референциальной структуры нашего мышления, поскольку именно соотношение высказываний с чем-либо им внеположенным является условием возможности не просто что-либо доказывать, но и вообще мыслить о чем бы то ни было. Как говорится, внешний мир является единственным источником наших мыслей, и даже если мы пытаемся это отрицать, то само доказательство такого отрицания строим на основе того, что сами отрицаем, хотя и не осознаем этого.

Итак, рассуждения Патнема предоставляют методологическую базу для обоснования концепции формального реализма. Как подчеркивает сам В.А., «данный аргумент может быть применен в качестве критики любого анти-

реалистского проекта» [2. С. 72]. Иначе говоря, все высказывания, притязающие на любую форму отрицания реализма, оказываются самопротиворечивыми или самоотрицающими. Действительно, утверждение о том, что «все относительно», притязает, по сути, на абсолютность, чем противоречит тому, что утверждает. Точно так же, как высказывание «истина есть культурная конвенция» притязает на то, чтобы утверждать нечто, выходящее за пределы культурных конвенций. Как говорит В.А., «самим своим продуцированием» оно «опровергает свое содержание» [2. С. 80].

Каков же выход из данной ситуации? Он прост. «Любое теоретическое построение рационалистического дискурса должно заканчиваться реалистическим тезисом, обратное немислимо» [2. С. 80]. Иначе говоря, только реализм избавляет от впадения в противоречия. Более того, дополнительной опорой в обоснование этого тезиса могло бы стать рассуждение Патнема о том, что «не существует нейтрального положения, нейтральной концепции рациональности, позволяющей решить, кто из нас прав. Даже если найдется некто, нейтральный в этом вопросе, т.е. некто, полагающий, что ни один из нас не занимает более разумную позицию, чем другой, его позиция не будет нейтральной. Никто не сможет критериально верифицировать, что ни один из нас не имеет оснований апеллировать к нормам культуры» [5. С. 151].

Мысль Патнема можно интерпретировать следующим образом. Обоснование или опровержение той или иной позиции всегда будет строиться на основе какой-либо позиции, даже если утверждающий или отрицающий ее этого не осознает. Иначе говоря, метапозиция, позволяющая предложить основания как смотреть на вещи, сама предполагает определенный взгляд на вещи, а потому невозможна. Тогда глубина проблемы заключается в осознании (или забвении) того, что отрицание какой-либо установки может строиться на использовании тех аргументов, которые входят в состав самой отрицаемой установки. Поэтому В.А. мог бы утверждать (что, кстати, и делает на с. 72–73 книги «Формальный реализм»), что антиреалист отрицает реалистическую установку, используя, по сути, аргументацию реализма. Это еще одно подтверждение правоты последнего как единственного условия самой возможности что-либо мыслить. Все остальное лишь ловушки языка.

Итак, кажется, что антиреализм сокрушен. Любой здравомыслящий человек, если, конечно, он в состоянии воспринимать рациональную аргументацию, а не руководствоваться «подобием поэтического письма» [2. С. 75] просто обязан перейти на позицию реализма. Споры нет, аргумент блестящий. Вопрос в том, возможно ли найти изъяны в логике выстраивания данной концепции, не прибегая к пафосу и метафорам? Оттолкнемся от методологии самого В.А. и будем двигаться в направлении того, что он в своей работе «Иллюзия значения» назвал «умеренным решением». Суть такого решения в том, что «рассуждать так, как делает скептик, абсурдно, но вместе с тем, мы не находим аргументативных ресурсов для того, чтобы признать, что рассуждение платоника истинно» [6. С. 309]. Попытаемся перевернуть этот тезис, сохранив его общий принцип.

Логично предположить, что обоснование правомерности той или иной концепции должно вестись ее же собственными ресурсами. Было бы, по меньшей мере, странно, если бы сторонник когерентизма в доказательство

верности своих идей использовал аргументы сторонника теории корреспонденции и наоборот. Собственно, на этом настаивает и сам творец концепции формального реализма. Но что тогда должен подразумевать его тезис о том, что только реализм обеспечивает рациональную деятельность? Если мы правильно поняли контекст, так это то, что только реализм обеспечивает отсутствие самоотрицающих суждений. Однако если этот тезис воспринимать как аргумент, то представляется, что к самой реалистической установке он никакого отношения не имеет.

Реалист упрекает какого-нибудь релятивиста за то, что его суждения противоречивы, поскольку в формулировке своей ключевой идеи последний, по сути, использует референциалистскую, т.е. внешнюю по отношению к ней, установку. Вернемся для подтверждения этого тезиса к размышлениям Патнема. Возможно, что он прав, когда утверждает, что, «несмотря на внешнее оформление, в рассуждениях Рорти сохраняется попытка сказать, что с точки зрения Божественного Видения его (Божественного видения) не существует» [7. С. 490]. Но не сталкивается ли сам реалист в формулировке основных положений своей концепции с аргументами «от автореференциальности по типу патнемовского»? Реализм подразумевает, что истинность тех или иных суждений должна фундироваться их соответствием действительному положению дел или внелингвистическому референту. Но тогда сам реализм если и должен быть истинен, то отнюдь не потому, что не порождает самоотрицающих суждений.

Итак, если мы не ошиблись в рассуждении (что вполне возможно), то наш первый тезис таков. В качестве доказательства предпочтительности реализма используется аргумент, так сказать, внешний по отношению к базисным положениям самого реализма. Повторим еще раз. Аргумент отсутствия самоотрицающих высказываний как условия правоты реализма чужд его базисным положениям. Если верность высказываний должна подтверждаться их соответствием реальности, то и верность самого реализма должна фундироваться таким же соответствием, а не его когерентностью. Иначе говоря, упрек, брошенный антиреалистам, можно предъявить и самому реализму.

Во-вторых, что касается аргументации антиреализма. Оставляем в стороне вопросы о различии антиреалистов, когерентистов и прагматистов, с одной стороны, как и реалистов и универсалистов, с другой стороны. Здесь наш основной тезис таков. Сторонники антиреалистской позиции действительно попадают в ловушку, но не языка как такового, а установок реалистической концепции. Действительно, если согласиться с Патнемом в том, что не существует нейтральной концепции рациональности, то стоит осознать, что отказ от основных положений той или иной позиции еще не означает отказ от общих структур мысли, ею порожденных.

Тогда проблемную ситуацию можно переформулировать. Она будет состоять не в том, что антиреализм по природе своей самопротиворечив, а в том, что в постулировании своих основных положений продолжает пользоваться ресурсами чуждого ему дискурса. Очевидно, что утверждения типа «истина – это культурная конвенция» или что «истинной концепцией по поводу истины является прагматизм» не только самопротиворечивы, но в такой формулировке они объективно льют воду на мельницу реализма. Дело в том,

что в качестве подтекста они подразумевают представление «как на самом деле» или соответствие некоему объективному положению дел. Ну а что это как не исходная установка реализма!

Если же антиреалистские концепции возникают как реакция на трудности реализма, то в формулировке своих базисных положений они не должны пользоваться его ресурсами. Более того, они должны пытаться избегать отождествления своих установок с навешиванием ярлыков типа скептицизма, релятивизма и т.д., порожденных той же самой реалистской установкой. Естественно, что в описании и обосновании своей позиции они должны избегать высказываний о соответствии или подразумевающих использование этой процедуры в качестве обоснования. Возможно ли это?

Если полагать, что в языке нет раз и навсегда фиксированных значений, то резонно предположить, что все дело не в ловушках некоего объективного и некоторым мистическим образом стоящего над миром языка, а в формулировке и интерпретации тех или иных концептуальных установок. Прагматист, к примеру, не может и не должен утверждать, что его позиция верна в смысле соответствия некоему объективному положению дел. Естественно, что он не может использовать выражения типа «соответствие реальным языковым практикам». Скорее он должен говорить нечто следующее: пока стоит пользоваться таким инструментом, т.е. идеей полезности, поскольку данный инструмент позволяет избегать трудностей реализма. В этом контексте тезис о полезности как аргумент преодоления самопротиворечивости высказываний более уместен для выбора антиреалистских концепций, чем реалистских, поскольку он лучше согласуется с представлениями о применимости, чем с представлениями о соответствии.

Кстати, что касается аргумента о соответствии. На первый взгляд кажется, что утверждение типа «прагматизм верен, потому что соответствует реальным языковым практикам», парадоксально, поскольку использует дискурс реализма. Правда, в столь же парадоксальное положение может попасть и реализм, если выяснится, что конкретные языковые практики действительно строятся на прагматистской установке. Видимо, все дело в истолковании значения термина «соответствие». Если предположить, что «соответствовать» означает «показать», то не является ли фактически такое толкование соответствия вариантом применения, а значит, модификацией все той же прагматики? И не означает ли это, что «элементы того, что мы называем «языком» или «мышлением», проникают настолько глубоко в то, что мы называем «реальностью», что сам план представления нас самих как «топографов» чего-то «независимого от языка» скомпрометирован полностью и с самого начала. Как и Релятивизм, но в другом плане, Реализм является невозможной попыткой увидеть мир из Ниоткуда» [7. С. 493–494]. Поэтому, перефразируя Патнема, можно полагать, что реалист пытается доказать существование Божественного Видения с невозможной для этого позиции.

Данные рассуждения не преследовали цели доказать правомочность антиреализма любого рода. Они столь же не преследовали цели ниспровергнуть реализм. Если мы не ошиблись в аргументации, то мы стремились лишь к тому, чтобы показать, что для обоснования весомости как реализма, так и антиреализма следует искать иные аргументы. А в заключение наивная

мысль. Если есть реальность как решающее условие истинности, зачем нам знание? И наоборот. Если наше знание не просто совокупность высказываний, призванных лишь перевести в язык то, что известно и имеется в наличии уже до всякого перевода, а представляет собой единственный способ установить то или иное положение дел, то не является ли введение референции излишним добавлением к такому установлению?

Литература

1. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
2. *Ладов В.А.* Формальный реализм. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011.
3. *Патнем Х.* Почему существуют философы? // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Общая ред. и составление А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 405–509.
4. *Putnam H.* Reason, Truth and History. Cambridge Univ. Press, 1981.
5. *Патнем Х.* Философы и человеческое понимание // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия / Под ред. А.А. Печенкина. М., 1994. С. 146–163.
6. *Ладов В.А.* Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
7. *Патнем Х.* Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Общая редакция и составление А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 466–494.